

Жан Висар
Боря вышел из моря

Жан Висар

Боря вышел из моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412579

ISBN 9785449377609

Аннотация

Пропала Атлантида. Огромная часть суши в течение нескольких лет погрузилась под воду и исчезла. Будто и не было ее вовсе. Первое время еще виднелись рубиновые пентакли ее башен, но вскоре и они исчезли в волнах бескрайнего Времени... А казалось, что это так незыблемо – на многие годы, на века и тысячелетия – навсегда. А вот прошло всего 10—15 лет и почти ничего не осталось. Все утопло...

Содержание

Начало	11
Не женитесь на курсистках	19
Ночной разговор	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Боря вышел из моря

Жан Висар

Дизайнер обложки Василий Иванович Сарбаш

© Жан Висар, 2019

© Василий Иванович Сарбаш, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-7760-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автор приносит искренние извинения за допущенные ошибки, опiski и даже за досадные очепятки.

Все главные, а равно и второстепенные участники описанных ниже событий, включая даже и представителей животного царства, не имеют ничего общего с похожими на них реальными лицами (мордами) даже при идеальном совпадении всех их паспортных данных, потому что все они, так же как и выше поименные грамматические ошибки, вкрались в этот текст совершенно случайно и независимо от воли автора.

Тем же лицам (мордам), которые, наоборот, хотят именно себя считать истинными героями этих произведений, таковое (конечно, только после тщательной проверки их паспортных данных) автором нисколько не препятствуется, а в некоторых случаях даже и приветствуется.

За сим, прошу вас к тексту, господа!

Искренне ваш, ЖАН ВИСАР

Посвящаю опус сей сыну моему Сергею, благодаря настоятельным просьбам коего, и был он написан.

Сам напросился, вот теперь и читай.

Ж. В.

Побудительной причиной для написания этих строк, явилась цепь различных, вроде бы не связанных друг с другом событий, которые произошли где-то поздней осенью 2000 года. Сих побудительных причин всего три.

Первая – главная, трагическая и неожиданная.

Однажды вечером, позвонил вдруг мне мой хороший институтский друг Леша Команов, голоса которого, к стыду своему, я не слышал, наверное, уже несколько лет, и сообщил ужасную весть – убили Володю Кольцова, нашего однокашника.

В понедельник похороны...

Надо сказать, что довольно значительная часть нашей

институтской группы, так и сохранилась маленьким дружным коллективом, который, по заведенной давнишней традиции, продолжал время от времени встречаться. Поначалу эти встречи были регулярными – раз в год. Позднее, с началом перестройки, эта традиция как-то поломалась, но все равно иногда мы все же собирались.

И Володя Кольцов был всегдашний и неперенный участник этих встреч.

А теперь – во как! Нет Володи. Был и нет. Трагически погиб...

Мы договорились добираться в подмосковный поселок Апрелевка, где и жил Володя, вместе. Василий Лихачев, Леша Команов и я. Проститься с ним приехало туда и еще несколько человек из нашей группы.

Встречи по такому поводу, как вы сами знаете, всегда тягостны, и заставляют нас на некоторое время остановиться, отстраниться от повседневной суеты, задуматься вдруг и взглянуть на жизнь, так сказать, – философически.

Вот был – Володя – симпатичный, скромный парень. Всю жизнь отдавший работе на каком-то военном ящике, куда он через всю Москву мотался каждый день на электричке из своей небольшой комнаты в обшарпанной коммуналке. Жил себе и жил. Работа, семья, дети. Как, у всех.

И вдруг эта ужасная, совершенно нелепая и внезапная смерть. Какая-то там банда нелюдей в ночной электричке. То ли садисты, то ли сатанисты. Бред какой-то.

Был и нет. А вместо этого его похороны. Тоже на каком-то забытом Богом деревенском кладбище, представляющем собой просто нагромождение покосившихся железных оград среди леса, где и к могиле то не пробраться. И возвышенные речи его начальников по работе, от которых только там я и узнал, что он был и выдающимся, и талантливym, и безотказным, и чутким, и таким, и сяким...

А и помянуть то его по-человечески было негде. Места нет. Чужая, тоже какая-то убогая, замызганная квартира по соседству. Теснота и очередь к столу...

Короче – был хороший человек, и – нет его. Жалко Володю...

Слава Богу, мне удалось уговорить тогда Володю Блохина, который единственный из наших был на машине, отвезти всех нас ко мне на дачу, находившуюся совсем недалеко. Там мы и продолжили. Там и помянули по-настоящему. Как добирались в Москву, запомнилось смутно...

А еще через несколько дней, будучи уже в более тесной компании, мы снова встретились там же – уже втроем. Посидели уже более капитально, остались и на ночь. Василий, правда, утром укатил в Москву, а мы с Лешей продолжили и на следующий день, а потом остались и еще на одну ночь. И за это время так наговорились и навспоминались, что, казалось, и не расставались с ним вовсе.

Все это как-то всколыхнуло в памяти события давно минувших дней, и впервые появилась мысль, хоть что-то из на-

шей прошлой жизни, запечатлеть на бумаге.

Это была первая причина – грустная.

Вторая – проще.

Мой сын Сергей, с которым мы сейчас тоже, к сожалению, встречаемся редко, все время склонял меня к переложению на бумагу множества забавных историй из моей жизни, которые, на определенном этапе нашего с ним всегдашнего застольного общения, как-то вдруг всплывали, из расстроенной алкоголем памяти, и как будто сами собой вылезали на мой уже заплетающийся язык. Ему почему-то это было всегда интересно. Во всяком случае, в процессе застолья.

Ну, а третья причина – и совсем проста.

Никогда тяги к эпистолярному жанру у меня ранее не наблюдалось, да, честно сказать, и быть не могло. Дело в том, что человек я абсолютно неграмотный – ну, в смысле правописания. Такое у меня с детства. По науке эта придурь называется – дислексия. Как бы болезнь такая. Причем солидный опыт уже прожитой жизни показал, что недуг этот совершенно неизлечим и, если бы не технический прогресс, с его компьютерами, то я никогда бы не сумел сколько ни будь грамотно перенести на бумагу даже самые примитивные свои мысли.

Но теперь, в наше компьютерное время, для таких убогих, как я – полное раздолье. Шлепай себе по клавишам, а оно там само как-то пишется, исправляется, да еще и без всяко-

го раздражения, а наоборот – участливо так, комментирует все огрехи твоего козлиного бляения. Вот, действительно, – дожили. Класс!

Иной раз даже диву даешься – уж и так напишешь какое-то слово, и эдак, и все буквы в нем попереставляешь, а этот, гад, – ну, электронный редактор, который ошибки находит, не пропускает слово и все! Хоть тресни! Подчеркивает, гнида, красным, как ненавистная еще со школы, училка по русскому. Ну, что ты с ним будешь делать!

Обзовешь его, конечно – беднягу безответного, чем ни попадя, шлепнешь с раздражением по клавише, чтобы к нему же в словарь заглянуть – как там все-таки надо то, блин! А там, оказывается – эвон как!!! Да уж, могуч наш язык! Недужному человеку, с дислексией, эдакий грамматический выкрутас даже в голову не придет.

Трудно даже себе представить, как в старину то, не имея ни только компьютеров с редакторами, но даже и обычных пишущих машинок, все эти классики умудрялись гусиными перьями наскрипеть такое огромное количество томов своих собраний сочинений? И совсем неплохих, скажу я вам, томов. Нет – ну как?! На книжные полки глянешь – ужас просто! Это же все надо было написать. От руки, заметьте, написать! Да десять раз переправить. Да потом еще и красиво перебелить начисто. И ни одной грамматической ошибки! Хоть диктанты диктуй. Уму – непостижимо!

Сначала я ужасно расстраивался по этому поводу, а потом

как-то успокоился. Решил – раз он такой грамотный, редактор то этот, пусть будет, как он хочет. Ну, хочется тебе, чтобы я так написал, – ну, и ладно, и хрен с тобой!

– О! О! Видали? Опять, ошибку подчеркнул! Ну-ка – что там опять тебе не нравится?

«Если Вы допускаете экспрессивные слова с ярко выраженной окраской и бранные выражения...».

– А? Чувствуете? – как излагает, зараза! Завидно даже. Конечно, дорогой! Еще как допускаю. Причем легко и не задумываясь – не то, что ты, зануда эдакий, да крючкотвор! На вот тебе...

Кстати, если что-то в моем изложении и вам не понравится – слово какое безграмотное или запятая, не туда ввёрнутая, или мысль явно ошибочная, то знайте – это не я. Где уж нам. Это все он – редактор.

Начало

Я сиджу на забогэ
Я все сиджу...
Я сиджу на забогэ
Уже месяц во двогэ
Я сиджу на забогэ
Я все сиджу...
Я сиджу на забогэ
Уже месяц во двогэ
Я не удовлетвогэн
Я сиджу на забогэ
Я все сиджу...
Я сиджу на забогэ
Уже месяц во двогэ
Я не удовлетвогэн
И зовут меня Борэ
Я сиджу на забогэ
Я все сиджу...

Слова этой дурацкой еврейской песенки или частушки, или Бог знает, чего, иногда всплывают в памяти, и всегда ассоциируются у меня с Борей Лейбовичем. Наверное, он сам и принес ее тогда в нашу институтскую компанию. Эту песенку, да еще поговорку. «Боря – вышел из моря».

Это нужно произносить, картавя, с одесско-еврейским вы-

говором, как это обычно делают, когда озвучивают героев анекдотов – или одесского еврея, или Вову Ленина. Ну, да – того самого – из мавзолея. Который в девичестве был – Ульяновым. А, в словах “ во дворе» и «неудовлетворен» ударение нужно ставить на букве «О», в предпоследнем слоге.

Обстоятельный читатель, естественно, может, используя эти несложные рекомендации, начать читать сызнава. Остальным же настоятельно советую не останавливаться на этих второстепенных колористических деталях, а быстрее двигаться дальше.

Итак, с Борей Лейбовичем я познакомился на первых курсах института. Собственно, познакомил меня с ним Леша Команов. Они с Борей жили в одном доме и были фактически друзьями детства. Боря, как тогда говорили, был из Лешиной компании.

Он сразу показался мне человеком неправильным, потому что был он не такой, как мы все. А может быть, мы тогда были не такие как он. Сейчас это – вопрос полемический, и, я бы даже сказал – философский. Но в те времена все было проще. Мы были правильные, потому что нас было много, а он – нет! Сейчас бы сказали – агрессивное большинство. Но тогда таких понятий не было. Мы были самыми обычными, а значит – правильными, а вот Боря нет. Неправильным он был – и все тут! Такая уж судьба...

На заборе он, конечно, не сидел, но был всегда, как правильно замечено в песне – «неудовлетвогэн». В отли-

чие, опять же, от нас. Мы то, как раз, были удовлетворены всем. Прибывали в некоем радостно-растительном состоянии. А он – нет. Уже тогда.

Все наши интересы крутились вокруг каких-то институтских дел. Наши встречи проходили в бесконечной трепотне, в каких-то технических, или философских спорах. Впрочем, обсуждали все и спорили обо всем. Боря же, как правило, во всем этом активно не участвовал.

Не участвовал, потому что в его жизни тогда был только один интерес – денежный. Собственно говоря, генетически заложенный талант к коммерческой деятельности, проявился в нем, начиная еще с нежного детского возраста. Далее и в школе, интерес этот не угас и продолжал толкать его на сомнительные, по тем временам, манипуляции. Он начал потихоньку перепродавать билеты в кино, своим же сверстникам, где-то доставал и им же перепродавал жвачку, а тогда это был страшный дефицит. Со временем научился он и ссужать заработанные деньги в долг. Под проценты, конечно.

Короче говоря, Боря был прирожденный коммерсант. Тогда, конечно, он об этом еще не догадывался. Даже слова такого для него еще не существовало. Это просто было у него в крови. Тут уж ничего не сделаешь – генетика! А генетика эта – так сказать, голос крови требовал от него разворота. Коммерсант без разворота – не коммерсант. Да, и как тут развернешься? Он ведь рос в провинции, и был родом из небольшого городка – Малоярославца. И вот тут то, судь-

ба и пошла ему впервые навстречу. Его родители, а вместе с ними, естественно, и сам Боря, перебрались в столицу. Вот тогда то не востребоваанный глубинкой Борин талант и расцвел буйным цветом на жирной хорошо унавоженной Московской почве.

Пока мы проводили время в бесконечных сборищах по любому поводу и без всякого повода, пьянствовали, что-то читали и горячо это обсуждали, ухаживали за девушками, ходили в кино, сдавали и пересдавали экзамены – в общем, вели беззаботную, разгульную жизнь, как большинство столичных студентов того времени, Боря последовательно и неуклонно продолжал совершенствовать свое мастерство. Боря делал деньги.

Правда, все это проходило где-то на стороне – вне нашего поля зрения. Когда же он кучковался вместе с нами, то, также, как и мы, был не дурак выпить, так же участвовал почти во всех наших сборищах, а что касается амурных похождений, то, вообще, мог дать фору любому из нас. Он учился в нашем же институте, правда, на вечернем отделении, и каким-то непостижимым образом без особого напряжения переходил с одного курса на другой. Кстати, он один мог себе позволить учиться на вечернем и при этом реально не работать, а только формально где-то числиться.

Дело в том, что, как раз в тот период, с вечерних отделений институтов, поголовно всех, начали загребать в армию. Но, вот как раз Борю в армию забрать-то и не могли.

Борины родители были медиками и, наверное, поэтому, в нужный момент у него появились все необходимые справки, свидетельствующие о том, что он совершенно не пригоден к строевой службе по состоянию здоровья. Не то, что бы он был болен. Упаси Боже! Боря был здоров, как бык. Кровь с молоком. Просто, как явствовало из документов, были у него какие-то отдельные неполадки в организме. Что-то, там такое с правым яичком – то ли опущение, то ли ущемление. Короче, судя по справкам, был у него в этом пикантном месте какой-то дефект, с очень сложным, но красивым медицинским названием. Что-то там такое – по латыни.

Правда, судя по отзывам многочисленных Бориных пассий, дефект этот, слава Богу, был незаметен, а главное совершенно никак не сказывался на его мужских достоинствах. Более того, насколько я был наслышан, Борины дамы весьма лестно отзывались, как о достоинстве обоих его яичек, так – и всего остального к ним прилагаемого. А это, в большинстве своем, были очень достойные и обстоятельные дамы, и сомневаться в их оценке было бы весьма неразумно.

Ой, я, кажется, опять немного отклонился от нашей основной темы. Но, что поделаешь, этот вопрос тоже не последний, особенно для особой мужского пола. Мужской, можно сказать пунктик. Но это я так – к слову.

Главное, – это то, что Боря, параллельно с обычной беспечной студенческой жизнью, вел не очень для нас понятную, осуждаемую и всеми презираемую в то время жизнь

фарцовщика.

Он скупал и кому-то сбывал шмотки, которые привозили с собой иностранные туристы для продажи, манипулировал с валютой, и даже ездил куда-то на Алтай за беличьими шкурками, которые потом продавал в Москве втридорога. То он торговал итальянскими женскими сапогами, то продавал женское же, но уже французское белье, то еще что-то. Короче – тунейдец, фарцовщик и спекулянт – так тогда принято было клеймить таких, как он.

Мы, правда, как-то мало этим интересовались и, конечно, многого не знали об этой второй Бориной жизни, да он и сам особенно не распространялся на этот счет. В те времена одно только знакомство с человеком, причастным к таким делам, была далеко не безопасной. За любую подобную ерунду легко можно было вылететь из Комсомола и, автоматически из института, а то и просто получить срок.

К этому времени наша компания уже четко сформировалась, а наш досуг стал более упорядоченным. Мы все уже успели обзавестись женами, а я так и вообще уже стал отцом. У меня уже родился сын, Сергей, а вскоре после этого появилось и собственное жилье – прекрасная, по тем временам, двухкомнатная квартира на Таганке, доставшаяся мне от родителей. После моей женитьбы и рождения сына, они переехали, в полученную моим отцом, однокомнатную квартиру, и стали жить отдельно от нашей молодой семьи.

И теперь мы все чаще и чаще, стали собираться у меня.

Леша Команов, Василий Лихачев, Дима Авдеев и Боря, ну и я, естественно. Там же, на Таганке, у нас и сложился своеобразный преферансный клуб.

Играли подолгу, часто до утра. Игра была ответственная – на деньги. Правда, я, будучи хозяином квартиры и одновременно казначеем, собирал все проигранные деньги и, когда их накапливалось достаточно много, мы всей компанией, вместе с женами шли в какой-нибудь недорогой кабак.

Вот тут уже инициативу брал в свои руки Боря. Никто лучше него не мог провести нас в ресторан без очереди, ведь в те времена попасть вечером в ресторан было совсем не так просто, как сейчас. Только Боря мог так договариваться с официантами, чтобы вытянуть из них какой-нибудь дефицит, уладить возникший конфликт, и вообще – швейцары, официанты, администраторы, и Бог знает, кто еще из этой братии – все они, относились к Бориной епархии. Денег из преферансной кассы, естественно, не хватало, и тут опять Боря выручал всех. А деньги у него были всегда, и в таких случаях он никогда не скупился. Наоборот, вся эта ресторанная суэта относилось, как раз, к той, другой его жизни, и он чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Всегда был хозяином положения – всеобщим любимцем. Королем, так сказать! И как любой король, любил показать себя, перед своими вассалами. Любил повыпендриваться и покрасоваться.

А, если еще добавить, что жадность, скупердяйство и мелочная расчетливость, особенно, по отношению к друзьям,

были ему абсолютно не свойственны, то такое его поведение со временем стало казаться нам всем совершенно естественным. Мы к этому привыкли и принимали все это, хоть и с некоторой долей снисходительности и иронии, но и без ханжеского осуждения.

Поскольку, из всей нашей компании один Боря пока оставался холостяком, то все, особенно наши жены, считали, что рано или поздно он найдет свою вторую половину, остепениться, устроиться на работу и перестанет заниматься своими темными делишками. И вроде бы все к этому и шло...

Не женитесь на курсистках

– Ты знаешь, мне кажется, что моя жена изменяет мне с продавцом цветов.

– Да, ты что! И почему ты так решил?

– Как-то прихожу домой, срываю с нее одеяло, а она лежит голая и вся в цветах!

– Это что! А вот мне **кажется**, что моя – изменяет мне с водопроводчиком!

– ???

– Да! Представь себе. Прихожу домой, срываю с нее одеяло. А там... водопроводчик!
анекдот с бородой

И вот, однажды, Боря приходит ко мне на Таганку, и не один, а с прекрасной еврейской девушкой Машей. Зашел как будто бы случайно, мимоходом. Но, и по его поведению, и, по отсутствию в разговоре матерных слов, без которых Боря обычно не мог излагать свои мысли, и по восторженному взгляду, которым он время от времени одаривал свою избранницу... По всему – было очевидно, что он, наконец, по-настоящему влюбился и пришел похвастаться предметом своей страсти.

А похвастаться было чем! Еврейская девушка Маша была без сомнения приятной девушкой. И не только приятной, а как сказал классик – приятной во всех отношениях. Она была свежа, розовощека, ясноглаза, с длинными блестящи-

ми волосами, стройной фигуркой, и прочая, и прочая... Ну, короче – класс! Просто куколка! Кроме всего, сразу бросалось в глаза и ее прекрасное воспитание – она не курила, не пила – даже сухого вина, фривольно не выражалась, и умела пользоваться салфеткой! Да еще и курсы икебаны! Настоящая еврейская девушка из интеллигентной, еврейской же семьи, и, как вы поняли, еще и курсистка.

Но, главное, от чего Боря, видимо, и находился в состоянии, я бы сказал, какой-то болезненной эйфории, было то, что она весь вечер не сводила с него своих сияющих от восхищения глаз. И это даже, когда Боря молчал. А уж, когда Боря начинал говорить, то она вообще впадала в сомнамбулическое состояние, и слушала его непроизвольно открыв свой восхитительный пухленький ротик. Тут уж любой поплывет...

Невооруженным глазом было видно, что это уже вовсе даже и не девушка – это Бороина невеста!

И, действительно, через несколько месяцев мы все уже гуляли в каком-то ресторанчике на Бориной свадьбе. Здесь было все! Много родственников и друзей, много выпивки и закуски, много подарков и цветов и, редкость для того времени – еврейские танцы под живой оркестр, включая и пресловутый – семь-сорок.

Все! Свершилось! Восторженные глазки, раскрытый в восхищении прехорошенький ротик, а может быть, и что-то еще, о чем знал только Боря – сделали свое черное дело.

Все! Нет больше Бори! Нет выпивохи и матерщинника, сердцееда и юбочника, азартного игрока и балагура, прохиндея и фарцовщика – исчез Боря. Вышел из моря и исчез, растворился.

Но, зато явилось миру совсем другое. Появилась, как нас тогда учили – новая ячейка общества – молодая семья Лейбовичей. Все вздохнули с облегчением. Всё – Боря, наконец, остепенился.

Но, как говорить, человек предполагает, а Бог располагает. Сначала Боря на какое-то время пропал из нашего поля зрения. Медовый месяц, налаживание быта с молодой женой, обустройство новой двухкомнатной кооперативной квартиры, которую он купил, но оформил, правда, не на себя, а на своего младшего брата – все эти хлопоты, видимо, полностью занимали тогда его время. Ходили слухи, что он устроился на какую-то работу и даже исправно ее посещал, а со своими левыми делами – завязал.

Прошло несколько месяцев, наступало лето. Мы уже планировали поездку в отпуск на Юга, причем всей нашей большой компанией, где предполагалось и наличие Бори с молодой красавицей-женой. И, действительно, такая поездка состоялась, и Боря поехал с нами, но... один, уже бобылем.

А случилось вот что. Оказывается, Боря не прекратил полностью свою коммерцию, а только свел ее к минимуму. И вот, однажды, вернувшись из какой-то фартовой поездки в свое собственное, им же самим любовно оборудованное,

родовое гнездо, он застукал ее – некурящую и непьющую еврейскую девушку Машу, вернее уже не девушку, а свою законную супругу – мадам Лейбович... Застукал – в дрыбадан пьяную, в компании с какими-то мужиками, да еще и в разгар совершенно непристойной оргии...

Короче, не сложилась у Бори семейная жизнь. Не пошла. Не задалась как-то с самого начала. Для Бори это был страшный удар, причем совершенно неожиданный и, в прямом смысле, ниже пояса. Искушенный наблюдатель мог бы, конечно, заметить, что Боря страшно переживал, хотя внешне виду не показывал, и на отдыхе держался молодцом.

Ночной разговор

– Простите, вы еврей?

– Да, куда уж мне!

В. Аксенов

Отдыхали мы, как это тогда называлось, дикарем, в Геленджике. Мы уже тогда дружили с компанией ребят из Воркуты, и Эммануил Яковлевич, отец братьев Бородянских устроил нас по благу в здании какого-то пансионата или пионерлагеря, принадлежащего шахтерам объединения Воркутауголь.

Там шел ремонт, часть здания пустовала, и нас разместили в двух громадных залах, заваленных железными пружинными кроватями. Правда, из обоих залов можно было выйти на просторный балкон, с которого открывался потрясающий вид на, залитую солнцем, подкову огромной Геленджикской бухты. Белые утопающие в зелени корпуса многочисленных пансионатов и санаториев, желтая полоса песчаных пляжей с яркими тентами и зонтиками, и сама бухта – зеленовато-синяя, с белой рябью кружевных бурунов – все это выглядело, как красочное и тщательно прорисованное живописное панно, превращавшееся по ночам в звездное мерцание бесчисленных огней.

Каждая пара быстро отгородила себе закутки по углам од-

ного из залов, ограничив свою территорию батареями из поставленных друг на друга кроватей. И только несчастный Боря один, как горный орел, разместился в соседней, тоже огромной, но совершенно пустой комнате, куда каждую ночь, как в гнездо, затаскивал на свой одинокий матрас свою очередную жертву и, видимо, отыгрывался на ней за всю свою короткую, поруганную семейную жизнь. Но это было по ночам.

Днем же он, как и мы, валялся на пляже, поигрывал в карты, пил пиво – короче, вел обычную, по тем временам, пляжную жизнь, которую и полагалось вести на юге.

По вечерам же мы, как правило, сидели и расслаблялись на балконе. Обычно ужинали мы всей нашей большой компанией, приходили и Бородянские, которые жили семейно, где-то по соседству. Потом ходили купаться, как это тогда называлось, в «лунной дорожке». А, если проще, то продолжали расслабляться, и дурачиться, уже на пляже, а то и действительно купались, оглашая окрестности дикими воплями. В один из таких вечеров, когда мы с Борей расслабились более обычного и, видимо, по этой причине не нашли в себе сил идти купаться со всеми остальными, а остались за столом вдвоем, Боря и открыл мне главный секрет своей жизни.

Как вы, наверное, уже догадались, Боря Лейбович был ев-

реем. Причем, если так можно выразиться – евреем с детства.

Надо сказать, что в те времена евреев было великое множество, но, самое интересное, что не все они были, как бы это, поточнее сказать – равнозначными, что ли. Я, например, тоже был евреем, и Боря это прекрасно знал, но моя еврейскость, не шла ни в какое сравнение с еврейскостью Бориной. Не тот ранг у меня был, если можно так выразиться.

По паспорту я, например, вообще был грек. А мог, кстати, записаться и русским. Я очень хорошо помню, как паспортистка настоятельно склоняла меня к этому. Но я почему-то уперся по молодости – захотел быть греком, как и мой отец. А ведь Боря даже этого себе позволить не мог. Быть русским по паспорту с его фамилией – это же курам на смех. Русский с фамилией Лейбович – это еще хуже, чем еврей Иванов.

Собственно, в процессе этого разговора – про степени еврейскости, и раскрылась вся, как тогда говорили, гнилая сущность Бориса Лейбовича.

Дело в том, что Боря Лейбович был не просто евреем, а евреем махровейшим, евреем, так сказать, до мозга костей. И отец его был евреем, и мать его была еврейкой, и все Борины родственники были евреями и, как я уже сказал, он был еще евреем и по паспорту, и даже с фотографии этого еврейского паспорта, на вас нагло смотрела махровая еврейская Борина физиономия... Кошмар, да и только! «Вережки!» – как любил выражаться сам Боря, проводя при этом ребром

ладони по шее. Это в его лексиконе означало что-то типа – «да, лучше повеситься».

Вот о чем, да и не только об этом, говорили мы тогда с Борей, сидя тет-а-тет на балконе за раздрызганным после веселого ужина столом...

Запомнился только его монотонный басок, отблеск стакана в руке, да мерцающий отраженными огоньками взгляд, направленный мимо меня в ультрамариновую черноту ночной Геленджикской бухты...

Жаль, что подробности этого разговора уже стерлись из памяти. Безумно жаль. Ведь именно в подробностях этой Бориной исповеди и было все дело. Без них все это можно было бы назвать просто пьяной болтовней. Но, что поделаешь? Время стерло эти детали. Осталась только выжимка. Основная мысль...

С еврейским вопросом Боре Лейбовичу, как я уже сказал, не везло с детства. К сожалению, доказательные детали этого разговора не запомнились. Но суть его заключалась в том, что якобы, и в школе, и при устройстве на работу, и при поступлении в институт, и еще в каких-то других многочисленных случаях, о которых рассказал мне тогда Боря – и у пионера Лейбовича, и у комсомольца Лейбовича, и у студента Лейбович, короче, всегда и везде вставал этот проклятый еврейский вопрос. И не просто вставал, а вставал, что называется, в полный рост и поперек горла. И обойти его, с выше перечисленными проблемами, Боря никак не мог. Мешал

ему этот вопрос. Душил всю его инициативную натуру. Действительно, — «веревки»!

Но, вот, что интересно! Как мне тогда показалось, и это, может быть, и было самой главной, неразрешимой Бориной трагедией — в глубине души он всегда был, а, главное, всегда хотел быть евреем. Несмотря, на всю обрыдлость и безысходность своего существования в таком качестве, никем другим, кроме как евреем Борей Лейбовичем, комсомолец Борис Лейбович быть не хотел! Вот в чем дело то! Вот, оказывается, какая непростая была у него беда. Непростая и, казалось бы, безысходная.

Но, как говорить, из каждого положения, даже безвыходного, есть два выхода... И Боря нашел самый простой.

Хорошо! — сам себе сказал Боря. Пусть так! Пусть я — Боря Лейбович, еврей, беспартийный. А не, например — коммунист Иван Иванович... Ладно! Хорошо. Вы меня жидовской моей мордой об стол? — Прекрасно! Оградить и не пущать — согласен! А мне туда и не надо. А мне и партийным Иван Ивановичем быть не надо! А надо мне, как раз совсем другое... Надо мне вкусно поесть, хорошо попить, сладко поспать, а еще лучше, чтобы этот самый Иван Иванович в стоптанных ботинках и несвежей рубашке был бы у меня, как в сказке — на посылках... А, нет, так даже и этого не надо! И без Иван Иваныча обойдусь!

Вот такая аморальная, по тем временам, мысль... Даже и не мысль, а просто какая-то, товарищи, гнилая буржуазная

отрыжка.

А, что для этого нужно? – рассуждал дальше Боря. И тут же сам себе и отвечал, – А ничего такого особенного для этого и не нужно. А нужно для этого всего лишь – деньги научиться добывать...

Эх, как жаль, что не знал тогда Боря, да и я, конечно, что ни он первый это придумал! Про деньги, то! Все уже оказывается до нас придумано было. Помудрей нас умы были...

Еще Талейран говорил, что для процветания нужны всего лишь три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. А, ведь прав был, черт! Хоть и расстрига, и прохиндей, хоть и богач, и буржуй недорезанный, а прав! Ведь, когда Боря о деньгах говорил, он как раз это самое процветание и имел в виду.

Конечно, вы мне скажете, – не в деньгах счастье... Не хлебом единым... Не имей сто рублей... Да, верно это все, верно! Но и тот, все равно – прав! Ведь, как не крути, а прав, собака! Без процветания – тоже плохо. Хоть и со всеми в одном строю, и со счастьем на века, но что-то все равно как-то не так. Правильно, конечно, и нас с детства учили, что только так и правильно, но убого как-то.

Не зря же этот Талейран выдающимся министром был и во Франции, и в Штатах, и еще где-то там, и говорят, везде преуспел. Конечно, и себя не забывал. Не без этого. Но все равно хорошим был министром. Об Отечестве тоже радел. Не то, что эти, наши... Хотя они-то про процветание, как раз, ох, как хорошо понимают... Особенно про свое. Да

и процветают, надо сказать, сукины дети! И неплохо процветают! Ну, да ладно. Черт с ними...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.